

Москва

2
2021

Журнал русской культуры

Выходит с марта 1957 г.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России

Российский Фонд Мира

Трудовой коллектив
журнала «Москва»

16+

2
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Сергей СМИРНОВ. 101-я овца. Роман в двух книгах	3
Виктор МОСТОВОЙ. Взрывная волна. Стихи	65
Сергей ШУЛАКОВ. Капитан Арсеньев. Повесть	67
Александр ШУРАЛЁВ. Тишина далеких заводов... Стихи	117
Игорь КОЩЕЕВ. Машка, первая любовь. Рассказ	121
Валерий МАЗМАНЯН. Золотят дорожки ивы. Стихи	131
Юлия БОЧАРОВА. Зимняя Марта. Рассказ	134
Елена ФРОЛОВА. Отражения. Стихи	144
Алексей НИЗОВЦЕВ. И вишни зрели, и купались дети... Стихи	147

ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир МИКОЛАЕВИЧ. Жизнь — как один глубокий выдох	150
---	-----

КУЛЬТУРА

Александр БАЛТИН. Бездны Александра Хабарова	167
Николай КАЛЯГИН. Чтения о русской поэзии. Чтение пятнадцатое. <i>Окончание</i>	169
Максим ЕРШОВ. Плачущий сфинкс	189
Сергей ДМИТРЕНКО. Салтыков (Щедрин). Биографическая повесть	195

МОСКОВСКАЯ ТЕТРАДЬ

Алексей МИНКИН. Охотник за сюжетами 217

ДОМАШНЯЯ ЦЕРКОВЬ

Праведный Алексей МЕЧЁВ. Краткое правило для благочестивой жизни	224
Павел ПАНОВ. Еще раз о соблазне западной культурой	229
Священник Алексей ГОКОВ. Седовласая старость – украшение нашей Церкви	234
Протоиерей Димитрий ШИШКИН. Перезагрузка	237

Главный редактор В.В. АРТЕМОВ (495) 691-71-10

Генеральный директор В.В. КОВАЛЕВ (495) 691-83-91

Заместитель главного редактора М.М. ПОПОВ (495) 691-71-10

Отдел прозы и поэзии Н.В. БАЕВА (495) 691-68-01

Домашняя церковь С.И. НОСЕНКО (495) 691-68-01

Главный бухгалтер Л.Э. БУДНИКОВА (495) 691-83-84

Корректор О.И. ИВАНОВА

Технический редактор Е.Ю. ЕРОФЕЕВА

Общественный совет:

игумен ЕВФИМИЙ (МОИСЕЕВ), П.Н. КРАСНОВ, В.Н. КРУПИН, В.А. КУЛЬЧИЦКИЙ,
П.В. МУЛЬТАТУЛИ, А.С. САЛУЦКИЙ,
М.Б. СМОЛИН (председатель), митрополит ТИХОН (ШЕВКУНОВ), А.В. ЩИПКОВ

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Рукописи, присланные по электронной почте, рассматриваются. Материалы принимаются только в распечатанном виде по адресу редакции. Журнал не публикует поэмы, либретто и сценарии.

Подписано в печать 17.01.21. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная. Печать офсетная.

Тираж 1480 экз. Заказ

Свидетельство о регистрации № 554 от 29 декабря 1990 года Министерства печати Российской Федерации

Подписные индексы: 15612 – «Пресса России», П2211 – «Почта России».

Адрес редакции: 119002, Москва, ул. Арбат, д. 20. Телефон +7(495) 691-71-10. Факс +7(495) 691-07-32.

Электронная версия журнала: www.moskvam.ru

e-mail: priem@moskvam.ru

Отпечатано в АО «Красная Звезда», 125284, г. Москва, Хорошевское ш., 38. Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62. Сайт: <http://www.redstarprint.ru>; e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

ISSN 0131–2332

Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.

© Журнал «Москва» № 2, 2021

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

101-Я ОВЦА

РОМАН В ДВУХ КНИГАХ

Сергей Анатольевич Смирнов родился в 1958 году. Окончил Второй мединститут. Психолог-нейрохимик. Кандидат медицинских наук.

Произведения публикуются с 1976 года. Автор более 15 книг, написанных в жанрах исторического романа, триллера и научной фантастики. Произведения переведены на английский, болгарский, венгерский, грузинский, китайский, французский, чешский и японский языки.

*Член Союза писателей России.
Живет и работает в Москве.*

Если бы у кого было сто овец, и одна из них заблудилась, то не оставит ли он девяносто девять в горах и не пойдет ли искать заблудившуюся? и если случится найти ее, то, истинно говорю вам, он радуется о ней более, нежели о девяноста девяти незаблудившихся. Так, нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один из малых сих.

Мф. 18, 12–14

...Много вдов было в Израиле во дни Илии, когда заключено было небо три года и шесть месяцев, так что сделался большой голод по всей земле, и ни к одной из них не был послан Илия, а только ко вдове в Сарепту Сидонскую.

Лк. 4, 25–26

КНИГА ПЕРВАЯ Кастор

А знаешь, братец мой, зарезал он ее там же, где и нашел! Ту овцу, отбившуюся от стада в горах. Полагаю, что пастух так и сделал. Если, конечно, он не иудей времен Храма...* А то бы тащить и тащить на плечах с гор до Иерусалима... Принес в жертву богам или твоему Богу как самое дорогое, что у него в тот час теплилось в руках. С любовью к овце и самой сердечной благодарностью твоему Творцу мира. Слышал, слышал, брат мой Полидевк**, что твой Бог обходится без этого и даже всегда нос воротил, а только терпел, да поди убеди простака человека благодарить не так, как это делал его отец, дед, прадед и все

* В периоды Первого и Второго Храма жертвоприношения полагались только на его территории.

** *Кастор и Полидевк* — легендарные близнецы Диоскуры в древнегреческой мифологии. Полидевк в латинской, римской, версии именуется Поллуксом.

предки до первого истово благодарного глупца, сотворенного из грязи земной в прекрасную кровь живую... Ты ведь сам говорил мне, что твой Бог даровал нам, глупцам, свободу воли и отменил судьбу... И как тогда пастушкú благодарить от души, если не отменить судьбу овцы... и если не жалеть до слез ее, любимую, возвращенную им овцу, ведь прадед видел собственными глазами, что у Творца на небе первая любимая агница не могла быть голодной и потерянной? Значит, и эта уже не будет утрачена — отныне и во веки веков. Что уж говорить про искупление всяких грехов, которые пастух насчитал в себе перед Богом, иначе бы и овцы у него не пропадали... коли они, грехи те, так и светятся жгуче до самого дна в печальных глазах-родниках овцы, пока ее очи живы!

Все попущенное смертным по их слабости и невежеству крепнет и костенеет в традицию — неодолимую, как рок, неисправимую, как русло реки, расточенное ею в горах за тысячелетия... Особенно если это стыд, благодарность и любовь, от коих всех трех до ненависти всегда один шаг в сторону, с узкой дороги — на кромешный простор. Разве не то доказал и избыл на кресте твой Бог? Когда показал всем пастухам, деревенским и городским, какова цена усилия Творца — выправить вновь в прямое русло любви их кромешный разлив... разлив глупости... разлив греха, в те поры хлеставший потоками агнчей крови из-под их священных храмовых ножей, сквозь их пальцы в глубокую и бесплодную речную долину под городом Бога... Раз уж Он даровал нам свободу и обещал не отменять ее. Может, и не следовало попускать — из той же любви свыше, если таковая есть?

Так и вижу того пастуха, укутанного в шкуру. Как, обрета агницу, находит он еще силы, вымалывает силы в себе самом, чтобы наворочать больших камней, воздвигнуть из них горку там, в ущелье, горку выше — обязательно в рост свой и на пядь сверх того... Благоговейно снимает обувь, осторожно поднимается с овцой к вершине рукотворной горки... Главное — вниз не загромоздить, не загубить придыхание, не напугать агницу. Потом пастуший нож в руку — всегда теплая роговая ручка, расширенный клиночек с нежным скатом к острию... Ты же знаешь, братец мой аквилифер*, у меня рука не воина, а хирурга, и маленькое подобное орудие у меня подобно второму указательному пальцу... как и у пастуха... И быстрые наши движения руки с ножом сходны: чем больше жертве, тем тяжелее духом кровь. Ее, силу крови, при малейшей боли уже тянет в землю, а не в небо... Это искусство, братец, — как нежно встретить кровь, встретить ее в дверях глубокого надреза или уже готовой боевой раны, как встречаешь собственную дочь, вернувшуюся от колодца с кувшином чистой воды...

А если капля крови, павшая на камень, смешается еще и с каплей пастушьего пота, сорвавшейся с брови пастуха, тогда — совсем красота! Тогда — истинное вознесение овечки прямо в элизиум... или как там у ваших? Туда, где исконная родина всякой души, животной и человеческой, освобожденной из сплетения жил... И правда, уже ни боли, ни страха оказаться потерянной и отлученной от пажити обильной, вечной. И пастух наивно чаёт, что она дождет его, — и ему самому не станет одиноко в тот час, когда он, изможденный годами, пойдет за ней... Остывшая наконец и в его жилах кровь запросится вниз, в землю, и отпустит пастуха за сотой овцой стада его, самой любимой, утраченной и вновь обретенной во веки веков по милости богов или Бога твоего...

* *Аквилифер* — почетная должность в армии Древнего Рима, знаменосец, несший легионного орла.

Ты удивлен, Полидевк? Да, ты удивлен, птичник легионный... Спросишь меня: что это ты, братец мой Кастор, так любящий все земное, ударился в смутные эмпиреи, да еще к евреям не поленился эдакий дальний крюк загнуть, откуда только все это взял?

Сподвигают меня на то, братец мой, странные и пока необъяснимые события, происходящие ныне, а еще — недавнее Слово нашего легата* Андреаса, реченное им перед остатками легиона. Тебе бы послушать! Я бы с радостью поменялся с тобой местами — мало бы кто и заметил, хотя разница в наших чертах уже определилась руслами... Такое странное Слово командира! Кабы тот центурион**, что следил за порядком при казни твоего Бога, а потом сам стал Его последователем, рек бы такое Слово воина перед своим легионом в Иудее, глядишь, уже тогда собрались бы под орлом его новой веры все его сослуживцы, а потом и по иным легионам пронеслось бы поветрие. И чего доброго, наш август Диоклетиан*** сейчас не Юпитеру бы кланялся, а твоему Богу. Да и когда-то, гораздо раньше, во дворце покойного августа Септимия Севера**** статуя твоего Бога стояла

* *Легат* — командир легиона.

** *Центурион* (в переводе буквально «сотник») — в римской армии командир центурии, подразделения легиона. Центурион Лонгин нес службу в Иудее под началом прокуратора Понтия Пилата. Во время казни Спасителя отряд, которым командовал Лонгин, стоял на страже вокруг Голгофы, у самого подножия святого Креста. Лонгин и его воины были свидетелями последних мгновений земной жизни Господа, великих и страшных знамений, явленных по смерти Его. Эти события потрясли душу воина. Лонгин уверовал во Христа и всенародно исповедал, что «воистину — это Сын Божий» (Мф. 27, 54). По преданию, позже, благовествуя, навлек на себя гнев властей и добровольно предал себя в руки воинов, пришедших арестовать его, но предлагавших ему бегство. Он осудил их предложение как преступное невыполнение приказа.

*** *Гай Аврелий Валерий Диоклетиан* (244–311) — римский император в 284–305 годах. Правление известно преодолением кризиса в империи и гонениями на христиан. Важнейший аспект правления — введенная Диоклетианом тетрархия. В начале царствования для эффективности управления страной Диоклетиан взял себе в помощники старого своего друга Максимиана, дав ему сначала титул цезаря, а в 286 году — и титул августа. В начале 291 года на совещании в Милане с Максимианом было принято решение избрать двух Цезарей, выбор пал на Констанция Хлора, отца будущего императора Константина, и Галерия Максимиана. Привлечение к императорской власти двух новых лиц вызывалось тем, что при постоянных войнах и возмущениях в разных частях государства двум императорам не было возможности управиться с делами в отдаленных частях империи. Констанций получил в управление Галлию и Британию; Галерий — всю Иллирию, Максимиану, помимо общего надзора за всем Западом, предоставлено было вестить Италией, Африкой и Испанией. Области к востоку от Италии остались на попечении Диоклетиана. При этом он привлек к себе 18-летнего Константина, сына Констанция, который следовал за ним всюду в его походах на Востоке. Есть мнения, что Константин фактически находился на положении заложника, поскольку умному Констанцию Диоклетиан доверял меньше, чем другим членам тетрархии, считавшимся солдафонами. Действительно, Констанций действовал более самостоятельно. Так, он проявлял терпимость к христианам на своей территории, в то время как Галерий и Максимиан были ярыми противниками христианства и убедили Диоклетиана, который «негласно» оставался высшим авторитетом в тетрархии, начать гонения.

**** *Септимий Север* (Луций Септимий Север) — римский император (правил в 193–211 годах), основатель династии Северов, полководец.

бы не в чине скромного опциона среди прочих божественных изваяний, но — магистратом с диктаторскими полномочиями...

Я уже извел тебя загадками, братец, хотя ты, знаю, терпелив. Ладно, начну рассказ с начала... И началом стоит избрать, вспомнить еще раз нашу последнюю достопамятную встречу, наш разговор... даже пару часов, тому предшествовавших. Ведь с этого все началось, а уже здесь, в этих пустынях у пределов Персии, где мы теперь мыкаемся, продолжилось...

Я еще не погасил свою лампу — мне это позволено после отбоя, как принципалу* на особом положении. Только подтянул язычок поглубже, огонек — с бусинку... Вижу, как паучок пытается свить свою сеть на самом верху, под коньком палатки, между скатами. Не знает, где он в этом мире, и не знает того, что уже завтра поутру окажется в плотной гуще свернутой материи... Разве мы не такие же паучки, когда тянемся вверх? Прости, отвлекся.

В тот вечер я припозднился к тебе и не сказал, где был. Вернее, соврал... Уж не пойму зачем. Знаю — ты и не обиделся на меня за то, что я украл два часа братского единения после трех лет разлуки. Я совсем не суеверен, но в тот вечер в моей душе появилось тревожное предчувствие большого сюрприза судьбы. Даже не того, что открылся потоп в твоих речах. Нечто большее. Таинственное. В тот вечер был необычный закат. Обычно к ветру, а он уже начинался, золото Геспера** переходит на западе в красу артериальной крови... Но в тот вечер золото оставалось золотым до последнего проблеска зари. Я отметил это про себя, уже спеша на улицу Счастливой Сети, к моей Валерии.

Знаешь, что больше всего привлекает меня в женской плоти? Никогда тебе этого не говорил... Кожа! Красота лица, груди, бедер, стопы — для меня второе и третье, возбуждает куда меньше. Даже апофеоз любви не так будоражит меня, мою память, мое воображение... Меня завораживает кожа, если она совершенна. Ее вид. Ее, извини, фактура. Да, я не поэт, не могу передать это изящно. Ее аромат. Я ведь с какой кожей все время имею дело? С пораженной железом, резаной, колотой, рваной, изуверченной... покрытой рубцами... порами-ямами, забитыми грязью, потом и кровью... обветренной и грубой, похожей на дорожную глину бесплодного поля в засуху... дико, по-кабаньи обволоченной... О, тут, когда я в родной стихии, вот-вот и вправду полезут строки грубого пиита*** ... Ухоженная и нежная женская кожа для меня единственное доказательство того, что в этом злобном мире еще брезжат остатки гармонии и красоты... А особенно прекрасна женская кожа на золотом закате... Этот бархатистый, матовый отлив!.. Потому-то любовь во тьме ночной меня не привлекает. Только на закате и при открытых окнах — чтобы лучи солнца падали под углом, придавая коже моей женщины и волоскам на ней оттенки спелого ржаного колоса... О, за это я готов пойти в вечные пленники к Цирцее****, если пообещает и исполнит! Впрочем, далеко ходить не надо — у Валерии совершенная кожа, хотя ей уже под тридцать. Кожица плода, созревшего без изъянов!

* *Принципал* — общее наименование младших командиров и начальников в римской армии.

** *Геспер* (Веспер) был известен в греческой мифологии как «вечерняя заря».

*** *Пиит* — поэт (*устар.*, *книжн.*; *теперь только шутл.*).

**** *Цирцея* — коварная волшебница. В «Одиссее» Гомера рассказывается, как с помощью волшебного напитка она превратила спутников Одиссея в свиней, а самого Одиссея взяла в любовники.

Дальше пропущу два часа... И вот я уже иду к тебе в сумерках столицы, поднимаюсь на твой патрицианский холм.

Ты, конечно, догадался, где я был. Ты так забавно, по-собачьи потянул носом, когда мы обнялись. Валерия любит сандал. Но ты не мог догадаться еще об одной моей задержке... Невзначай сделал крюк я, плутанув. Я не узнавал города, в котором был три года назад. Я слышал, что наш август озабочен постоянной перестройкой Никомедии*, как дотошная кухарка — чисткой и перестановкой утвари. Ладно, что чуть ли не каждый год новые булыжники и плиты на мостовых, но чтобы целые храмовые и торговые улицы меняли направления!.. И просто рябит в глазах от колоннад!

В этот раз мы уже могли смотреть друг на друга не как в зеркало... В этот раз я убедился, что ты стал младше меня... Внешне, пожалуй, на целый год и даже больше, хотя, когда я лез первым из утробы нашей матушки, ты уже толкал меня своей упрямой головенкой в пятку. Как же, помню-помню, что в действительности ты младше меня всего на неуловимую стигму времени! Что делать... даже шкура варварийского льва**, живущего при дворцовых покоех, становится нежной, как у лани. Не обижайся.

Удивительное дело: мы всегда радовались успехам и подвигам друг друга, но всегда старались держаться подалеже друг от друга. Воды Белого озера разделили нас навсегда. Мы видим в глазах друг друга то, что видели в тот день, а видеть это вновь, напоминать об этом друг другу не хочется... страшно... стыдно... вот и отводим взоры.

Ты вышел на свет вторым, но всегда говорил первым. Тогда первым и заплакал, а обо мне испугались, что и не вздохну. Услышав тебя, и я заголосил, чтобы не отставать. Вот и в этот раз ты начал первым и сразу — начистоту:

— Не хочу, брат мой, радоваться и пировать с тобою с камнем в сандали... Надо сначала поговорить.

Тогда я понял, почему вместе с тобой не вышли встречать меня твоя жена и дочки... И вот мы в глубине сада, у рукотворного родничка. Сумрак такой, что уже и друг друга не видно под лаврами. Когда ты переместил камешки так, чтобы родник журчал громче, я догадался, что дело совсем серьезное.

— Здесь нас уж точно не услышат, — прошептал ты чуть громче шепота родника. — Ты ведь знаешь, что теперь говорят о твоём командире?

— Догадываюсь, куда ты клонишь, брат, — кивнул я, поняв, что неожиданностей быть не должно... и ошибся, был даже недолет. — Слава быка раскалилась так, что может воспламенить весь хлев.

* *Никомидия*, или *Никомедия* (ныне Исмид в Турции), — город в северо-восточном углу залива, образуемого Мраморным морем. В 286 году н.э., когда Диоклетиан ввел тетрархию (четверовластие), он сделал Никомедию восточной столицей Римской империи. Никомедия оставалась восточной (и более важной) столицей империи до того, как Константин Великий разбил Лициния в 324 году. Последующие 6 лет Никомедия была фактической столицей империи Константина, пока он не провозгласил близлежащий Византий Новым Римом (впоследствии Константинополь, ныне Стамбул).

** *Варварийский лев* (барбарийский, берберийский; *лат.* *Panthera leo leo*) — подвид львов. Был изначально распространен в Северной Африке и сегодня является вымершим в дикой природе.

Да, после того как наша первая когорта прикрывала бегство цезаря Галерия* и его паническую переправу через Евфрат, после того как мы выдержали удар катафрактариев** Нарсеса, да еще и потеснили персов и смогли переправиться сами с небольшими потерями, слава примипила*** Андреаса взлетела до небес. Заслуженно. Но... Но вскоре все наши стали тяжело вздыхать и корчить кислые мины. Август заставил своего цезаря, провалившего кампанию, позорно бежать мило в полной выкладке рядом со своей колесницей, в то время как по ближним легионам уже катилась песня о том, как «примипил Андреас Лакедемонянин заслужил триумфальную арку». Добром это кончиться не могло.

— Хуже того, тут, во дворце, злые языки уже запустили шершней... что, мол, августу надо было усыновлять Андреаса, а не этого злобного пса Галерия****, — добавил ты полынной настойки в вино славы. — Тем более что этот пес из глухомани, а Андреас как-никак из рода лакедемонских магистратов... К пифии***** ходить не надо, чтобы видеть: эти слухи распускают как раз завистники твоего командира, с тем чтобы они дошли до цезаря. Им его появление во дворце августа и чествование — кардо***** в глаза! Говорят, что там, на берегу, твой примипил еще и молился вслух не Юпитеру августа, а Христу!

— Вот это полная брехня! — не сдержался я, а ты пихнул меня локтем в бок — потише!

— Там никто ничего не мог слышать, кроме общей команды! Даже если бы кто-то кому-то молился во всю глотку петушиным криком! У нас потом до самой ночи в ушах звенело.

Однажды на патрицианской вилле, куда меня вызвали как врача к лихорадившей теще хозяина, пришлось пережить страшный град. Вилла была крыта медным листом. Грохот был такой, что казалось, череп расколется... Правда, нет худа без добра: теще с испугу полегчало, и денег мне привалило... Вот такой же грохот стоял на кровле когорты, собранной из наших щитов, под градом персидских стрел у Евфрата, хотя щиты и не из меди. Меня впихнули тогда в глубину когорты, но я таки прополз поближе к командиру, чтобы сразу оказать помощь, если что... Кроме катившейся волнами общей команды «Сомкнись!», что даже предвещала падение очередного раненого или убитого, ничего невозможно было услышать.

— Шершни сделали свое дело, — сказал ты. — Цезарь уже подготовил триумфальную арку твоему командиру. Посмертную.

* Персидский шах Нарсе (Нарсес) объявил войну Риму в 296 году. Он вторгся на территорию Западной Армении, а затем и в восточные провинции Римской империи. После этого, в 297 году, Нарсе перешел на юг, в римскую Месопотамию. Против него с армией выступил цезарь Галерий. Шах нанес ему жестокое поражение недалеко от Карр (где некогда потерпел поражение от парфян римский триумвир Марк Лициний Красс). Из-за этого Галерий был вынужден бежать несколько километров за колесницей Диоклетиана.

** Катафрактарии — тяжелая, «бронированная» конница.

*** Примипил (лат. *primus pilus* или *primipilus*) — самый высокий по рангу центурион легиона, стоящий при боевом порядке во главе первой центурии первой когорты.

**** Усыновление Диоклетианом Галерия придавало легитимность его власти и привязывало Галерия к дому императора рядом обязательств.

***** Пифия (др.-греч. Πῦθία, лат. *Pythia*) — в Древней Греции жрица-прорицательница Дельфийского оракула в храме Аполлона в Дельфах, расположенного на склоне горы Парнас.

***** Кардо — римское название чертополоха.

Ты сделал паузу, но меня не сразу проняло.

— Грядет череда метаморфоз, брат, — продолжил ты. — Твоя когорта будет восполнена до тысячной, а потом ей будет придан статус легиона. Твоего командира повысят до легата. За боевые заслуги, так сказать... Происхождение позволяет. Легиону уже придумано название с бряцанием и блеском: Лакедемонский Стремительный. Твоя когорта ведь почти вся из греков была?

— Есть центурия македонцев и центурия фракийцев, — уточнил я, пытаюсь уложить в голове новую поленницу.

— Для цезаря и августа, считай, те же греки, — усмехнулся ты.

— Лучше этого не говорить македонцам, — сказал я.

— Так вот, — ты даже чуть повысил голос, намекая, что не до шуток, — после набора легион сразу отправят на восток, за Евфрат. Защитить золотые рудники в Анатаре... Брат, я подозреваю сложную интригу, — вздохнул ты в темноте. — Тайные горные золотые рудники, о которых я раньше не слыхивал. Сведения о том, что туда двинется большое персидское войско... Сдается мне, что персам эти сведения о якобы богатых рудниках подброшены нарочно. Цезарь затевает новую кампанию, чтобы поскорее оправдаться за свой позор, — и двинет войско на персов гораздо севернее, через армянские горы*. Меня и Константина** он берет с собой. А вы будете нужны для отвлекающего маневра. Брат, мы с тобой пойдем в одном направлении, но разными дорогами. Как всегда, разными. Странно, да?

Ты помолчал, а я, кажется, только хмыкнул. Ты не дождался моих рассуждений на тему судьбы, а ведь хотел их, верно? Но что мне разглагольствовать при христианине о судьбе?.. Это же почти что унижаться. Даже перед братом-близнецом.

И ты продолжил:

— Малый такой, считай, вспомогательный легион. Твоему командиру будет отдан приказ идти туда ускоренным маршем, и пообещают поддержку Шестого Македонского из Сирии. Полнокровный трехтысячник... Но подмоги не будет, брат. Она замедлит. Очень замедлит. Ты понимаешь?

Я уже размышлял, тот ли это сюрприз судьбы, который я предчувствовал на закате... Я кивнул невольно. В темноте. Но ты, конечно, заметил или почувствовал мой кивок.

— Но в пряжу мойр*** подмешана шакаля шерсть, брат мой. — Эти слова ты мне уже прямо в ухо вдувал. — По моим сведениям, следом за

* Весной 298 года армию Галерия пополнили новыми легионами, набранными в придунайских провинциях. После этого он начал наступление с нападения на северную Месопотамию через Армению. Для того чтобы набрать войско для борьбы с Галерием, Нарсе отступил в Армению, поставив в невыгодное положение свою конницу. Рельеф местности в Армении был благоприятен для римских легионов, но неудобен для персидской кавалерии. В 298 году в решающем сражении при Сатале в Армении армия Галерия нанесла персам сокрушительное поражение.

** *Флавий Валерий Аврелий Константин* (272–337) — будущий император Константин Великий, сын цезаря Констанция Хлора, члена тетрархии Диклетиана. В описываемое время трибун и командующий императорской дворцовой гвардией.

*** *Мойры* (в римской мифологии *парки*) — три богини, дочери Ночи, управляющие судьбой человека (*μοῖρα* — судьба). Первая, Клофо, прядет нить жизни; вторая, Лахезис, определяет судьбу жизни; третья, Атропа, то есть неизбежная, отрезает нить жизни. Они знают наперед участь, ожидающую каждого человека, и люди должны подчиняться этим могущественным богиням.

вами потянется «черная ала»*. Иллирийские skutarii Геркула. Те самые, что участвовали в уничтожении Фиванского легиона**...

Я бы догадался, зачем нужна шакаля шерсть, но — мгновением позже. Ты снова опередил меня словом:

— Вот, думаю, они и повезут следом за вами стелу, на которой уже высечено, что вы там геройски «костью полегли», как триста спартанцев. Они, думаю, довершат дело персов, если те скиснут и отступят... Вот так, брат!

Иллирийские всадники с черными щитами... Да, об этой але ходили мрачные слухи.

Ты не давал мне времени раскинуть мозгами. Ведь нарочно, да? Продолжил тотчас:

— Кастор, ты ведь не на клятве, а на обычном гражданском договоре, так? Годовом? Трехлетнем?

— Пятилетнем, — уточнил я. — Продлевал уже.

Ты бросился в атаку:

— Значит, не клятва. Твоя когорта будет полностью реформирована. С новым статусом. Твое предписание — твой легион, а не когорта, которая вот-вот чудесным образом превратится в этот легион. При таком положении дел я даже могу выхлопотать тебе право на перезаключение договора... или предоставить тебе свободный выбор. Во дворце всегда найдется место такому отличному врачу, как ты. Ведь сам Пантелеи-

* *Ала* — кавалерийское подразделение легиона, 500–600 всадников. *Иллирийские skutarii с черными щитами, геркулии* — элитное подразделение, сформированное цезарем Галерием, уроженцем Иллирии; всадники, также подготовленные к ведению боя в пешем строю, своего рода аналоги драгун.

** X Фиванский (Фиваидский) легион, дислоцированный в Египте и состоявший из воинов-христиан, был отправлен императором Максимианом в Галлию для подавления антиримского восстания так называемых багаудов. Командовал легионом св. Маврикий (Mauritius). После разгрома багаудов император Максимиан издал приказ, чтобы все в честь победы совершали жертвоприношения римским богам, в том числе человеческие жертвоприношения — плененных христиан. Легионеры твердо и единодушно отказались от этого, за что были подвергнуты децимации (обезглавливание каждого десятого) и предупреждены, что император не остановится, пока приказ не будет выполнен. Тогда св. Маврикий обратился к легиону с призывом не поддаваться угрозам, и от имени легиона было отправлено письмо Максимиану: «Император, мы — твои солдаты, но также и солдаты истинного Бога. Мы несем тебе военную службу и повиновение, но мы не можем отказываться от Того, Кто наш создатель и властитель, даже при том, что ты отвергаешь Его. Во всем, что не противоречит Его закону, мы с величайшей охотой повинемся тебе, как мы это делали до настоящего времени. Мы с готовностью выступаем против своих врагов, кем бы они ни были, но мы не можем обогреть наши руки кровью невинных людей (христиане). Мы приняли присягу Богу прежде, чем мы приняли присягу тебе. Ты не сможешь придать никакого доверия нашей второй присяге, если мы нарушим другую, первую. Вы приказали нам казнить христиан — смотрите, мы — такие же. Мы признаем Бога Отца, создателя всего сущего, и Его Сына, Господа и Бога Иисуса Христа. Мы видели наших товарищей, усеченных мечом, мы не оплакиваем их, а скорее радуемся их чести. Ни это, ни любое другое происшествие не соблазнили нас восстать. В наших руках оружие, но мы не сопротивляемся, потому что мы предпочли бы умереть невинными, чем жить во грехе». Так как акт устрашения не возымел действия, его многократно повторяли до тех пор, пока не был истреблен весь легион.

мон* говорит, что у тебя «золотая рука». Он тебя знает, а Пантелеимона знает весь дворец. И Георгиос** меня поддержит.

Вот теперь ты позволил себе паузу. Знаешь, о чем я думал в это время? Вообще не о своей судьбе, хотя самое бы время. Редкий случай, когда мойра берет передышку и с ухмылкой оборачивается в твою сторону... Я думал о тебе и гордился тобой в те мгновения. Честное слово! Ты всегда был умнее, ловчее, стремительней меня. И... да, боеспособнее! Пройти в гору такую карьеру за десять лет! По самому крутому склону! От легионера до аквилифера и — выше! Я знаю, твоя образованность сразу давала тебе права иммуна***... Но все же, все же... Ты, я слышал, и спатой**** умел орудовать стремительнее иных «стариков» легиона. И вовремя попасться на глаза августу! И вот ты уже во дворце. Не шутя, личным посыльным у сына западного цезаря... Я понимаю, что Константин тут заложником сидит. Так тем более: значит, август тебе доверяет следить за ним. Хороший дом на холме, семья всем на зависть. И вот теперь ты в силах изменить мою судьбу!

Да, я невольно улыбался в эти мгновения. И ты даже во тьме видел, знал об этой улыбке и понял ее по-своему.

Ты вздохнул с облегчением:

— Я так и думал, брат! Теперь есть новый повод гордиться тобой! Но я бы гордился и если бы ты стал префектом дворцового госпиталя. Но тогда меня стала бы сушить горечь — ведь тебе наверняка пришлось бы увидеть, как будут сносить мечом мою голову. Я тебя знаю — ты бы не сдержался. Тогда и тебе бы не сносить головы. А так ты еще, может, останешься в живых. Я слышал, что персидский двор издавна выписывал врачей из Афинской школы. Если у мойры есть чувство юмора, ты, может, увидишься в Ктесифоне***** с кем-нибудь из однокашников.

У меня от этих слов в голове зашумело. Я переставал понимать вихри твоих мыслей.

— Что ты имеешь в виду... насчет «не сносить головы»?

Ты усмехнулся так, как если бы был старше меня на десяток лет:

— А то, что мы после сегодняшнего вечера можем уже никогда не увидеться с тобой. Причем — не увидаться в двойной степени!

Прости, я не вытерпел:

* Святой великомученик и целитель Пантелеимон родился в Никомедии, в семье знатного язычника. Став врачом, снискал известность и, по преданию, был приглашен Галерием в качестве придворного врача. Претерпел пытки и был казнен во время гонений в 305 году.

** Святой Георгий Победоносец, поступив на военную службу, стал благодаря своему мужеству и уму одним из легатов и любимцем императора Диоклетиана. Некоторое время он делал карьеру придворного в Никомедии и стремился к высокому положению, но, когда начались гонения на христиан, он раздал богатое наследство бедным и перед императором объявил себя христианином. Его арестовали и стали пытать. Святой Георгий принял мученическую смерть в 303 году.

*** Иммунами были легионеры, которые обладали специальными навыками, дававшими им право на получение повышенной зарплаты и освобождавшими их от труда и сторожевой службы.

**** *Спата* (лат. *spatha*) — прямой и длинный (0,75–1 м) обоюдоострый меч, использовавшийся в римских войсках обычно как дополнительный к обязательному, «установному» короткому мечу гладиусу с I по VI век н.э.

***** *Ктесифон* — столица Персидской империи.

— Ты бы не держал меня за дурака, не знающего твои столичные секреты!

Ты повинился. Странно повинился:

— Прости, брат. Ты ж в детстве всегда любил меня подковырнуть, прежде чем выложить план новой затеи... Короче говоря, чем бы ни кончился новый поход на Персию — новым кровавым римским полем, третьим со времен Красса, или же наконец триумфом, — итог будет один. Для нас, Христовых. Начнутся новые гонения. Как при Деции. Но вряд ли как при Нероне.

Вот уж удивил так удивил, брат! Храм вашего Бога прямо напротив дворца. Туда и супруга, и дочка августа, как я слышал, давно тропу протоптали, золотые сандалики свои поизносили... За ними следом — чуть ли не треть всей дворцовой челяди, а то и больше. Слышал, что вместе с самим префектом опочивальни... Только сегодня по рынку ходил — тоже чуть ли не у трети толпы всех сословий овечки да рыбки* болтаются на поясах... И золотые, и серебряные, и подешевле. Последних даже не намного больше. Даже у меня! Мода!.. С чего бы вдруг всю империю на треть подданных проредить? Причем уже не самых бедных и не самых ленивых, лишь хлеба и зрелищ жаждущих... Август Диоклетиан не Нерон и не Деций, когда ваших поменьше было и дворец ими еще не кишел. Он бережлив. Тем более в вашем числе — едва ли не самые доверенные лица из тех, что имеют право подойти к августу в отсутствие преторианцев... С чего бы такие дикие опасения и предчувствия?

Я только подумал, а ты уже услышал мои мысли.

— Это не наши опасения. Это опасения августа, — сказал ты. — Он всерьез опасается, что Юпитер отвернется от него и вновь начнется хаос, как четверть века назад. Новое поражение Галерия, если оно случится, будет доказательством того. Победа — доказательством того, что Галерий прав, а он ненавидит нас, Христовых. И Максимиан тоже ненавидит. Теперь они дудят в оба уха августу про то же: про грядущую немилость Юпитера.

Я признался тебе: вот уж никогда не думал, что август так религиозен! Ведь он оставляет впечатление умного... прости, рационального человека.

— Может, и не был раньше, — усмехнулся ты во тьме. — Но вообрази: ведь с именем Юпитера, а Юпитер — август повыше всех прочих будет... именно его именем Диокл** взял власть за глотку и принялся укрощать безбрежный хаос... и вдруг — ба! получилось! Империя снова на ногах... и прямо-таки на железных, а не на глиняных. Да, у него все получилось! Как тут не сообразить: а вдруг и впрямь сам Юпитер помог! Смилоstinился. Увидел, что снова во дворце почитают его, а не это разношерстное стадо мелких духов со всех концов земли и еще вдобавок какого-то странного еврейского Бога, Которого вот так просто взяли да распяли как преступника... Вот и надо теперь, чтобы все, а заодно жена с дочкой, по команде поклонились Юпитеру — в благодарность... да просто ради проявления доброго подданства... А тут какая-то язва — этот Фиванский легион. Прецедент строевого неподчинения. Теперь Максимиан с Гале-

* Обычай носить нательные крестики возник после того, как в 20-х годах IV столетия святая царица Елена, мать императора Константина, организовала экспедицию в Иерусалим для поиска подлинного Креста, на котором был распят Христос. Ранее христиане носили изображения агнца или рыбы (ИХТИС — аббревиатура греческой фразы: «Иисус Христос Божий Сын Спаситель» (ΙΧΘΥΣ)).

** *Диокл* — изначальное имя Диоклетиана.

рием вторят друг другу: однажды не подчинился целый легион, однажды они не подчинятся все — и что тогда? Тогда конец величию Рима! Или — Никомедии... Нет разницы... Что предпринять? Нужна проверка. Проверка, брат! Всеобщая! Надо повести к Юпитеру весь наш народ Христов. Заставить нас есть глазами истукана и промямлить перед ним: великий громовержец, ты не подумай там чего плохого... Мы все тут, внизу, все поголовно тебе кланяемся, помогай нам и дальше!

Я все же не понял, откуда из этого взяться гонениям и какая от них польза, и просто спросил:

— Август что, погонит жену и дочь к алтарю Юпитера палкой... или лозой*? В другой руке уже держа меч? Вряд ли Юпитер увидит в этом искреннее поклонение... Он же не Калигула, которого «лишь бы боялись»**.

— Зачем палкой? — как будто согласился ты. — Сначала попросит. Всех нас. Возьмите щепотку ладана и бросьте на алтарь истукана. Что вам стоит? Пускай дымится, а вы свободны. Одна щепотка, один поклон. За то, как поступят женщины августа, я не отвечаю. Не знаю, что у них на уме и на сердце.

Я все равно не видел и не вижу причин для гонений, брат, что бы ты мне тогда ни сказал. Ты прав, я не понимаю вас. Тебя и всех вас. Этот дымок от ладана — он же не вытравит из вас веру в вашего Бога, память о вашем Боге разве затуманит? Кинь, поклонись, плюнь и иди молись в свой храм или домой... Если уж вы все уверены, что Юпитер — просто верховный истукан. Как ты там тогда говорил: «Ушами не слышит и глазами не видит»***. Или это какой-то царь еврейский пропел? Не важно! А как там твой Бог вещал? Помнишь, сам не раз мне повторял: вроде как Юпитеру — Юпитеро****. Разве не Сам Бог ваш предложил вам быть умными, как змеи?

— Кесарю — кесарево... — уточнил ты. — Это не мои слова. Христовы.

— Ну и в чем разница? — вгрызался я.

— Ты не понимаешь, брат, — вздохнул ты.

«Да, не понимаю!» — сказал я молча.

— Мы откажемся, — сказал ты.

— То есть вы упретесь? — уточнил я уже вслух.

— Думай хоть так, — снова вздохнул ты. — Многие из наших откажутся. Очень многие! И вот тогда степени угроз станут нарастать. И начнется. Сначала — полные конфискации и поражения в правах, потом — тюрьма, потом паленой кожей запахнет и кровь потечет... Сам увидишь. Путь в Царство Божие, в жизнь вечную, будет мучительным... зато прямым, коротким и высоким.

Я спросил про твоих малолетних дочек.

— Надеюсь, и они выдержат. Христос им поможет, — ответил ты.

Жуткое спокойствие было в твоём голосе, надо признать!

«А ведь ты, брат, совсем не похож на фанатика!» — первый раз содрогнувшись, подумал я.

— Тебе не понять нас, Христовых, брат, — вслух ответил ты, но ценю — по-доброму ответил, без снисходительности и раздражения. — Ты

* *Отрезок сухой виноградной лозы* — знак власти центуриона; было в обычае бить ею нерадивых солдат.

** «Пусть ненавидят — лишь бы боялись» — фраза, приписываемая императору Калигуле.

*** Цитата об идолах язычников из 113-го псалма царя Давида.

**** Искраженные слова Иисуса Христа: «Кесарю — кесарево, а Богу — Богово».

не понимаешь, какие врата нам откроются... какой любви врата!.. а какие могут закрыться навсегда, если мы вот так юлить начнем: «Юпитеру — Юпитерово»... и тотчас провоняем падалью... Врата для всех могут закрыться. Навсегда. И для тебя — тоже.

Какие врата видны отсюда, брат? Я постоянно торчу у врат смерти, брат. Я много раз, сотни раз видел, как уходят в те врата. И потому не верю, а знаю, что за ними есть какой-то иной простор. Оттуда, бывает, сильный сквозняк шалит... Бросишь ты эту щепотку на чей-нибудь алтарь или нет — все равно там окажешься. Камень не падает в небо. Мне понравилось, как уходил центурион Демодок. Я дважды уводил его с берегов Леты после тяжелых ранений. Он носил двух малых орлов на груди за те ранения, но не ушел в отставку, а вернулся в строй. Третью его рану я не осилил. Харон уже ждал его и гнал меня прочь. Я Харону глаза намозолил на этой стороне... Я видел этот жест вечного старика в глазах Демодока, старик издали погрозил мне перстом. Харон давно держит на меня зуб — мне от него когда-нибудь достанется веслом... Так вот, центурион протянул мне руку и сказал: «Я, наверно, забуду тебя на той стороне, как и всех моих друзей, как отца, и мать, и сестру... Говорят, так оно в Аиде. Но моя благодарность тебе, Кастор, останется сама по себе — здесь. Она, благодарность, как вода: то роса, то облачко. Но деться воде некуда, не пропадет». «Почему ты думаешь, что не заслужил элизиума?» — спросил я. «Какая разница!» — усмехнулся Демодок. И я понял его. А тебя не понимаю, брат. Я видел, как умирали в моей госпитальной палатке и воины, почитавшие твоего Бога. Да, радость светилась в их глазах. Они видели то, чего не видел я. Но чем, скажи, элизиум, если он есть, отличается от того простора, что обещал вам ваш Бог?.. Разве есть какие-то иные врата? Ради какого простора ты уже готов смотреть, как будут сечь скорпионами* твоих малолетних дочерей?.. Твоя жена тоже готова смотреть и терпеть? Не поверю! Они что, не заслужат элизиума, если проживут простую, благочестивую жизнь, отряхнув или сдув с пальцев этот ладан на алтарь Юпитеру?

Ты, я вижу, хорошо подготовился к разговору, раз снова озадачил меня, как будто не услышав моего вопроса:

— Как ты думаешь, брат, отец нас любил?

Как вспыхнуло детство в наших глазах, как осветило ту ночь нашей редкой встречи!

— А помнишь, брат Полидевк, — неволей откликнулся я, — как он водил нас тропой Агамемнона?

Мы оба тотчас провалились в нашу слепящую детством память! Как мы трепетали на тех прогулках с отцом по дороге, что вела в наших Микенах от Львиных врат к морю и опоясывала нашу любимую гору. Отец всегда шел впереди, всегда размахивал руками, распевая на память «Илиаду». Он сам был для нас полубогом: знать поэмы Гомера наизусть — такое нашему уму было непостижимо! В своей очень широкой и долгополой белоснежной тунике он издали напоминал отъевшуюся чайку, вперевалочку шествующую по тверди земной и для равновесия балансирующую на склоне крыльями. Он всегда был немного навеселе, до нас тянулся волнами его выдохов, шлейф византе** дурманил и нас, малых... Мы воображали себя грозными ахейскими воинами, грядущими от города к

* *Скорпион* — здесь: орудие пытки, плеть с шипастым шариком на конце.

** *Византе* — сухое, плотное вино, которое готовится из винограда, вяленного на солнце, обладает максимальной крепостью для сухих вин.

своим кораблям — плыть к Трое за похищенной красоткой и надрать задницы злокозненным троянцам. Сам Агамемнон шествовал впереди отца. Тучный отец наш застил нам царя, но мы порой замечали впереди гребень на его шлеме и слышали шелест амуниции. А сколько ссадин мы заработали, ища золото в пустых подземельях Златообильных Микен, за полной ненадобностью их былой мощи уже и духами покинутых! И отец поощрял наши поиски: «Ищите, ищите, божественные мои Диоскуры*! Зевс наградит вас за усердие!» А мать боялась, что мы потеряемся или нас там завалит, — и только вздыхала... Единственной наградой за ссадины стала рукоять древнего меча, и вправду украшенная золотыми спиральками... Помню-помню, мы, Диоскуры, пару раз дрались за обладание ею, ибо нашли ее разом оба.

Да, отец наш жил преданиями-сказаниями. Настоящее для него не существовало. Согласись, лучший составитель панегириков, эпитафий и матримониальных посланий для провинциальной знати! Его ведь звали в Коринф — открыть поэтическую школу. А как вдохновенно он мечтал написать поэму, достойную наследия Гомера, но не находил ничего достойного со времен падения Трои. Даже Саламин**, помнится, его не вдохновляет: подумаешь, три десятка греческих и персидских корыт погребели бортами, весла друг другу поломали! Александра Двурогого он за грех его отца при Херонее*** и вовсе на дух не переносил... То ли дело те времена, когда боги, раззадоренные яростью и кровью земных героев, сами срывались со зрительских мест, неслись вниз, на арену Троянской равнины, чтобы тоже размяться в кулачных боях и певучем лязге боевой бронзы!

Но ведь согласись, брат, наш отец Агесилай молодец, что переехал из Фарсалы в считай безлюдные Микены и довольствовался гонорарами за поделки на надгробные плиты. Какое там было раздолье, какие просторы! И тени великих ахейцев окружали нас в сумерках оливковых садов. И те две горы, два идеальных конуса, упирающихся в небо. Сколько раз мы видели там, на вершинах наших гор, куда указывал отцов перст... Да кого только не видели — от духа Агамемнона до самого Аполлона! Отец хотел, чтобы мы тоже прожили наш век поэзией... на худой конец стали бы придворными кифаредами, а не бродячими певцами. И спасибо ему: несмотря на мечту, он сразу обрадовался, когда мы запросились в армию. «Ах, ну да! — стукнул он себя по лбу и тотчас отхлебнул. — Совсем запамятовал, что нынче Диоскуры — духи доблести у латинян! Что ж, мы привили варварам хороший вкус!» Он угадал, но только наполовину: «Дойти вам до аквилиферов!» Помнишь?.. Конечно, помнишь, ведь ты исполнил его завет! А я выбрал другой путь. И ты знаешь почему. Белое озеро, да!

* *Диоскуры* (др.-греч. Διόσκουροι, Διόσκοῦροι или Διὸς κοῦροι, букв.: отроки Зевса) — в древнегреческой и древнеримской мифологии братья-близнецы Кастор (Κάστωρ «бобр», лат. Castor) и Полидевк (Πολυδεύκης, лат. Pollux [Поллукс]) — дети Леды от двоих отцов — Зевса и Тиндарея.

** *Саламинское сражение* — морское сражение между греческим и персидским флотом в ходе Греко-персидских войн, произошедшее в 480 году до н.э. близ острова Саламин в Сароническом заливе Эгейского моря, неподалеку от Афин, в котором греки одержали полную победу.

*** Битва при Херонее (2 августа 338 года до н.э.) — сражение в Греции, под селением Хероней в Беотии, в ходе которого македонский царь Филипп II, отец Александра Македонского, разгромил объединенную армию греческих городов-государств. Прозвище Двурогий Александр получил за свой шлем, украшенный двумя султанами, похожими на рога.

Для отца мы тоже были героями его поэтических грез и сказаний, едва ли не живыми воплощениями Диоскуров. Потому, сдается мне, он и не чувствовал себя истинным нашим отцом, то есть отцом по плоти и крови. Мы были живыми порождениями его воображения — его любовь к нам была вполне поэтическим чувством!

Вот наша мать Левкиппа — да! Она была эфирным облачком чистой кровной любви, едва заметным облачком — так тихо и страдальчески старалась она создать хотя бы клочок тени, защищавшей ее сыновей от безжалостного жара этого мира, пролить на нас хотя бы дюжину капель живительной влаги, пока мы росли подле нее... Помнишь? Сама не выносившая жгучего солнца, она выходила из дому только на рассвете и закате — и тогда еще милосердное или уже утомленное походом по небосклону солнце нежно красило ее. Как я радовался тому закатуному отсвету на ее такой бледной и болезненной коже! Вот, верно, откуда пошло мое преклонение перед этой единственной нежностью мира. Отец, наверно, и полюбил нашу мать когда-то, узрев в ней неземное создание... Как ей удалось выносить нас, двоих крепышей, и не надорваться?! Как только у нее хватило крови и молока разом для двух жизней — ума не приложу!

— Думаешь, брат, помнит она нас в своем элизиуме? — спросил ты.

И в твоей грусти уже слышен был твой ответ на вопрос. Или я ошибаюсь?

— Не знаю, — ответил я и... и невольно задержал дыхание, чтобы не сболтнуть какую-то нелепицу.

А ты почему-то вздохнул с облегчением.

Я предвидел твой следующий вопрос — о любви Ио. Давай уточним, кого из нас она любила. Мы ни разу не дрались из-за нее. Она меня тогда так рассмешила ночью, когда перепутала с тобой, а я возьми да откликнись на твое имя... Ио распахивалась вся сразу — в нее мы прыгали, как с нашего любимого обрыва — в море... Луна еще стояла низко — вот в чем дело, а Ио даже не стала приглядываться... Хотела она нас обоих, но любила, пожалуй, одного тебя — младшенького, за твою тогдашнюю вздернутость чувств и изысканную болтовню... Ах, какой раскидистой была та старая олива у нашей горы! Под ней так густо копился дух дневного зноя, что у меня потела спина даже в зябкую ночь... и я стыдился этого. А у тебя потела?.. Да и гора всю ночь дышала теплом... Мы, брат, не знаем друг про друга многое... А потом, когда я откинулся на наше роскошное ложе из духовитого сена, я признался ей, с кем она была в этот раз, кому отдалась как самому любимому... Ио как-то очень хищно рассмеялась и, повернувшись, врезала мне коленом по чреслам. Вот после этого-то я и отдал ее тебе целиком, а ты так был рад тому... Но знаешь, это была дармовая жертва — в ту ночь я увидел лунный отсвет на ее коже и понял, что нимфы не в моем вкусе... а при свете утра и заката она наотрез отказывалась. И вот сейчас я думаю — она стыдилась перед солнцем.

Я предвидел твой вопрос — и ошибся вновь. Наверно, потому сразу выпалил то, что выпалил в ответ на него.

— Как ты думаешь, а Юпитер способен нас любить? — спросил ты вдруг.

— Ох, если только по-собачьи, сзади! — отрыгнул я.

Ты заржал в голос, терзая ночь... Но я не покривил душой. Ты же знаешь: что мне — все боги, что я — богам. Я верю только тому, что вижу собственными глазами. Или знаю наверняка. Да, у моей палатки конечно же стоит для ободрения солдат алтарек такой с фигуркой, и все уверены,

что это Асклепий*... Никому из солдат, да и центурионов, не придет же в голову спросить: «А кто это у тебя? Что-то на бога не похож...» Только примипил, а ныне легат Андреас и знает. Ему я должен был признаться, а он слова не сказал, только хмыкнул утвердительно. А то ведь у меня маленькая такая статуя великого врачевателя Галена**. Вот он для меня — бог, других не требуется! А еще я верю в судьбу, да! Судьба каждого из нас — как одна из малых кровяных жил народа: как пролегла — так и пролегла в теле. Не сдвинешь — не повернешь. Разрыв — и вот уже потекло из нее, прямоком в гробницу.

— Соглашусь! У Юпитера — вся недолга! — согласился ты, отсмеявшись. — Теперь я знаю, что ты поймешь слова старшего августа... те, что он доверил своему постельничему*** из наших третьего дня, к ночи. Сначала Диоклетиан задал ему вопрос... Вдруг, ни с того ни с сего: «Вы вот чувствуете своего Бога в себе, как я слышал? Верно?» Постельничий ответил: «Наш Бог сказал, что Он с нами до скончания века». «И как это? Как это чувствовать Бога в себе?» — спросил август. «Такое словами не опишешь, доминус, — отвечал постельничий. — В наших душах стоят тучи грехов, как в пасмурный день на небе. Но когда появляется прогалина после таинства агапы**** или по чистой молитве, тогда чувствуешь Бога как поток живительного солнечного света, света любви, бьющего изнутри душевной тьмы. Это блаженство, и оно тоже неопишимо!» Постельничий рассказал нам, что август усмехнулся, подумал немного и рек такое: «Порой я тоже как будто чувствую Юпитера в себе — и тогда ничто и никто не может подступиться ко мне... Но знаешь, что случилось бы, если бы я принял твоего Бога? Многие вот отсюда, — и он сделал такое неторопливое круговое движение перстом, указующим вниз, — наполнились бы желанием, правом и силой распять меня, как твоего Бога. Дабы обладать Богом, как вы. Вместо меня. С Юпитером такое не пройдет! И они это знают!»

Я очень хорошо, даже не пойму почему, запомнил и этот твой рассказ, братец, и последующие слова твои:

— Нехристовым снова захотелось разделаться с нами именно по этой причине. Они хотят завладеть нашим Богом так, как это в их обычае. В обычае — принуждать богов исполнять их желания за мзду. Они даже не осознают своей зависти... Зависть толкнула Каина на убийство. Дьявол всех заразил завистью. Так и ныне люди приносят самых чистых своих овец в жертву, чтобы хоть немного угасить зависть соседа к их имуществу. Ты свою лучшую, любимую овцу зарезал не для себя, а я — свою. Это — взаиморасчет по зависти... Все со времен грехопадения страстно желают всего того, что перечисляет десятая заповедь*****. И часто даже не слышат в себе этой страсти — так глубока она. Дом ближнего своего, жену его, раба его,

* *Асклепий* (др.-греч. Ἀσκληπιός), или Эскулап (лат. Aesculapius), — в древнегреческой и древнеримской мифологии бог медицины.

** *Гален* (ок. 131 — ок. 215) — древнеримский медик, хирург и философ греческого происхождения.

*** Имеется в виду Лукиан, препозит (префект) священных покоев Диоклетиана, был христианином.

**** *Агапа* (от др.-греч. ἀγάπη — любовь), «вечеря любви» в I–V веках н.э. — вечернее или ночное собрание христиан для молитвы, причащения и вкушения пищи с поминанием Иисуса Христа.

***** Десятая заповедь Закона Божия: *Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего.*

рабыню его... все, что есть у ближнего своего. Зависть рождает тягу к богатству и власти... Что уж говорить, когда сосед имеет Бога в себе, а ты Его в себе совсем не чувствуешь... Они возмущаются за нас, брат. Те, которые верят во всех богов подряд, но не имеют их в себе. Их подперло. Больше терпению нет. А у августа дивное чутье. Он знает, как предотвратить и угасить хоть ненадолго всеобщую ненависть всех ко всем. В том числе и к нему... Ту ненависть, которая всегда царила среди фальшивых богов на Олимпе.

Я промолчал. Что я мог сказать на твои слова? Все эти ваши сердца и умы недоступны моему пониманию... Пока мы оба безмолвствовали, я почему-то пожалел, что ночь слишком прохладна для пения цикад и нет луны, как в ту нашу ночь с Ио. Наверно, мне хотелось сильнее чувствовать жизнь в те мгновения. Шепота родника мне было мало — напротив, мне хотелось, чтобы он замолк, мне казалось, он лишь бесконечно лепечет, повторяет твои слова на своем языке, понимает тебя и во всем с тобой согласен. Вода всегда болтлива. Только кровь течет молча. Всегда — молча, даже когда ее много и она течет на камни и по камням. Я это видел и слышал... Слышал ту вязкую алую тишину... Я люблю кровь и за ее молчание.

— Вижу, что нам теперь самое время выпить и наконец отпраздновать нашу встречу, — сказал ты и поднялся, и мне показалось, что ты доволен тем впечатлением, которое произвели на меня твои фатальные речи. — Иди за мной и держи меня за плечо. Тут такая темень, а в моем саду много больших красивых камней, которых сейчас не видно. Можно споткнуться и разбиться.

— Ты очень хочешь, чтобы мы были квиты, — поддел я тебя.

— Как это? — удалось и мне удивить брата своего.

— Когда я выбирался из темного лона матери, ты опирался теменем на мою пятку... А то бы ты там заплутал, знаю я твою торопливость.

Помню, ты не пожалел света на ту нашу трапезу. Помню, поначалу ломило глаза, и я даже шурился... Огненные стрелы разлетались в моих глазах от обилия масляного пламени. Помню, как ты уже таким аристократическим движением скинул накидку из тонкой шерсти и я увидел на плече твоём, под краем рукава, нижние концы легионерского клейма, твоё римское имя, которое почему-то нередко забывал, — Поллукс Целер*. Да, ты всегда был шустр и ловок, малыш. То ли дело я. Кастор — он и в Риме «бобер». Я в империи Кастор Сангвис — Кровавый Бобер. Мои солдаты давно знают, что это у меня не ритуал, не защитный жест от злых духов — во время работы живо вытереть окровавленные руки о волосы. Кислый пот лучше всего смывает щелочь крови, пальцы уже не так липки... И кто же на основании наших имперских имен скажет, что мы — близняшки?!

Помню, каким-то особенно кровавым, артериальным был цвет вина в ту нашу братскую ночь, и я ловил себя, что часто поднимаю правую руку и провожу ею по волосам... Но лучше всего я запомнил не тебя, не твоё лицо, не скромную роскошь твоего триклия**, без мозаичных украшений и даже присутствия пенатов*** (уж какие там пенаты у вас, Христовых!), а лица твоих женщин... Твоей жены, Алтеи. Тоненькая тростинка

* Поллукс — римская версия имени Полидевк, одного из братьев-близнецов Диоскуров; Целер (лат. Celerg — быстрый).

** Триклиний — пиршественный зал, столовая, выделенная в отдельную комнату под влиянием греческой традиции.

*** Пенаты — в греческой мифологии духи — покровители домашнего очага и кладовых.

с бледной кожей, с густыми кудряшками-былинками — ты, несомненно, искал себе жену, похожую на нашу мать! И твоих дочерей... Как они подросли с последней нашей встречи! Я осторожно поглядывал на твою жену и думал: неужели?! Неужели она сможет смотреть?! Я таращился на твоих дочек, и у меня холод, отнюдь не ночной, не осенний, пробегал меж лопаток — неужели? Неужели они смогут?! И если бы я увидел, что смогли... я бы пошел за ними! Я объявил бы себя Христовым — просто ради тебя и твоей семьи! Ради нашей общей семьи! Только сначала зарезал бы того, кто издал пыточный эдикт против них. Добрался бы со своим скальпелем до крови его сонной артерии, пустил бы ее, молчаливую, на дворцовый мрамор... Она бы меня не выдала криком к преторианцам. Чем больше я выпивал, тем сильнее злился. Что не сходится, брат? Если идти за твоей женой и твоими дочерьми — туда... то надо простить его? Ладно! По крайней мере, у меня был бы выбор... Или будет. Посмотрим. Если выживу.

Но ты таки заставил меня мучительно мыслить, начиная с тех мгновений, с тех стигм времени, когда в ту ночь я смотрел на твоих нежных тростинок. Я искал им спасение не в твоих словах про чужую странную зависть, которая может не сбыться, и про неведомые мне врата, а — в конечной участи. И вот ничего, кроме участи самых невинных и самых прекрасных жертвенных агниц, не придумал... Тех агниц, за которыми легко идти в элизиум, зная, что они дождутся тебя там, на прекрасных лугах... Ты свернул мне мозги... А потом начались эти необъяснимые события... Вот теперь я и начал этот мысленный разговор с тобой, вспомнив про агниц.

А тогда мы утром расстались с тобой, брат, как будто расставались до ближайшего вечера, до новой семейной выпивки... Потому-то у нас обоих на душе было легко.

Я не побежал сразу к Андреасу, в ту ночь пока еще примипилу. Не хотелось сразу пролиться ложкой уксуса в сосуд с медом. Я решил открыться ему на коротком ночном постое после первого марша. А когда новый легион был собран, то поначалу было и не до того. В лагере Геркулеса* кипело воодушевление: как же, вчера любимый примипил, а сегодня он — легат, вчера когорта, а нынче — легион. Чудеса, да и только! Хвала Юпитеру или кому-то еще! Свой орел, значки, своя головка августа**, к которой я уже невольно примеривался скальпелем... и обзывал себя дураком. Новоиспеченный легат принимал лично весь новый командный состав до деканов***, но больше всего нянчился с новобранцами, которыми — а вовсе не запасниками — добрали легион. В том я увидел коварный расчет высшего командования на увеличение потерь. Многие ветераны, не говоря уж о запасниках, спроси их, рванулись бы под жезл Андреаса Лакедемонянина, но их не спрашивали... Вот легат вместе с центурионами и гонял желторотых чуть ли не до третьей стражи... Иногда в сердцах выдергивал у центуриона лозу**** — огреть кого из нерадивых. Гоняли на них коней, а еще Андреас добыл вексилляцию***** армянских стрелков, и те

* *Лагерь Геркулеса* — территория гарнизона Никомедии.

** Имеется в виду изображение головы императора, один из знаков легиона.

*** *Декан (десятник)* — старший по палатке (контубернии) в легионе, в которой размещались десять воинов.

**** Имеется в виду толстый и прямой отрезок виноградной лозы, символ власти офицера.

***** *Вексилляция* — особый, относительно небольшой, отряд легиона, выделенный для участия в боевых действиях, когда сам легион выполнял другие задачи, либо несший гарнизонную или патрульную службу.